JOURNAL OF INTERNATIONAL SCIENTIFIC RESEARCH
Volume 4, Issue 6, July- August 2026 Online ISSN: 3030-3508
https://spaceknowladge.com

ИРАН И ТУРЦИЯ КАК РЕГИОНАЛЬНЫЕ ДЕРЖАВЫ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ.

Автор статьи: SARI-ZADE XAZRAT-ALI XASAY OGLI
Магистрант Университета Мировой Экономики и Дипломатии
Адрес электронной почты: xazratalisarizade@gmail.com

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

ИСТОРИЯ СТАТЬИ:
Received:22.08.2026
Revised: 23.08.2026
Accepted:24.08.2026

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:
Иран, Турция, внешняя политика, региональные державы, Ближний Восток, геополитика, сравнительный анализ, неоосманизм, исламская революция, баланс сил..

АННОТАЦИЯ:

(RU): В статье представлен сравнительный анализ внешнеполитических стратегий Ирана и Турции как ключевых региональных держав на Ближнем Востоке и в сопредельных регионах. Анализируются доктринальные основы, инструменты влияния и геополитические приоритеты обеих стран в условиях трансформации современной системы международных отношений. Особое внимание уделяется точкам пересечения и столкновения интересов Тегерана и Анкары, а также их роли в обеспечении региональной безопасности.

Введение.

Турецкая Республика (Турция) и Исламская Республика Иран (ИРИ, Иран), будучи крупными неарабскими государствами с многовековым имперским наследием, обладают уникальными геополитическими кодами, обусловленными их географическим положением, историческим наследием и религиозно-идеологическими установками. Историческая ретроспектива их взаимоотношений восходит к многовековому соперничеству Османской империи и государства Сефевидов. Обе страны стремятся проецировать свое влияние на соседние субрегионы, формируя собственную повестку дня в сфере безопасности, экономики и идеологии[106]

В последние десятилетия Иран и Турция демонстрируют устойчивый рост своего регионального влияния, мастерски используя разнообразные инструменты внешней политики. Несмотря на общие цели в поддержании стабильности и развитии регионального взаимодействия, между ними существуют глубокие расхождения в

[106] Аватков, В. А. (2021). Внешнеполитический курс Турецкой Республики в рамках современной системы международных отношений.

подходах к решению как глобальных, так и локальных проблем. Эти различия коренятся в специфике их политических систем, идеологических ориентиров, стратегических амбиций и существующих союзнических отношений.

Актуальность данной темы определяется текущим этапом глубоких преобразований в системе международных отношений, характеризующимся переходом от униполярной модели к полицентричной структуре и возрастанием роли региональных акторов. В этом контексте Ближний Восток сохраняет статус одного из наиболее динамичных и геополитически неустойчивых регионов, где центральное место занимают Турецкая Республика и Исламская Республика Иран. Являясь крупными неарабскими государствами с богатым имперским наследием, обе страны демонстрируют стремление к проецированию своего влияния на смежные субрегионы, формируя собственную повестку дня в сферах безопасности, экономики и идеологии.

Актуальность сравнительного анализа их внешнеполитических стратегий продиктована тем, что баланс сил на Ближнем Востоке, Южном Кавказе и в Центральной Азии в определенной степени зависит от характера взаимоотношений между Анкарой и Тегераном. Их стратегии представляют собой уникальный феномен, сочетающий в себе элементы жесткого геополитического соперничества (например, опосредованные конфликты в Сирии и Йемене, конкуренция за влияние в Ираке) и вынужденного прагматического партнерства (в рамках Астанинского формата, в торгово-экономической сфере, при решении общих вызовов, связанных с курдским вопросом).

Степень научной разработанности проблемы. Внешняя политика Ирана и Турции регулярно становится объектом внимания как отечественных, так и зарубежных исследователей. Изучением неоосманизма и турецкой экспансии занимались такие ученые, как А.А. Сотниченко, В.А. Аватков, а также западные аналитики (например, Nora Fisher Onar). Специфика внешней политики Ирана сквозь призму шиитского фактора и концепции «исламской революции» отражена в трудах Андрей Кубатина, Н.М. Мамедовой, Л.М. Раванди-Фадаи, В.Бартольда и зарубежных экспертов (Р.Н.Фрай). Однако комплексный сравнительный анализ их стратегий на современном этапе, с учетом новейших геополитических изменений, требует дополнительного академического осмысления.

Объект исследования — внешняя политика Исламской Республики Иран и Турецкой Республики в качестве региональных держав.

Предмет исследования — сходства, различия, инструменты реализации и геополитические результаты внешнеполитических стратегий Турецкой и Иранской республик на современном этапе.

Цель исследования — на основе сравнительного анализа выявить ключевые детерминанты, общие черты и принципиальные различия во внешнеполитических

стратегиях Ирана и Турции, а также определить характер их влияния на региональную стабильность.

1. Теоретико-методологическая база исследования.

Анализ внешнеполитических стратегий Ирана и Турции требует обращения к теории региональных комплексов безопасности (Regional Security Complex Theory), разработанной Б. Бузаном и О. Уивером (2003). Данная парадигма постулирует, что безопасность государств в пределах одного региона формирует единый комплекс, где взаимозависимость в сфере угроз значительно превалирует над связями с внешними акторами[107].

В международных отношениях региональное сотрудничество рассматривается как форма взаимодействия государств, направленная на достижение общих политических, экономических и социальных целей посредством институционализированных механизмов координации[108].

С точки зрения неореализма, международное сотрудничество лимитируется стремлением государств к обеспечению собственной безопасности и поддержанию баланса сил. Системный структурный реализм К. Уолтца (1979) предлагает следующее объяснение оборонительных действий Ирана: в условиях непрекращающегося давления в сфере безопасности со стороны Соединенных Штатов и их региональных партнеров, Тегеран ориентирован на максимальное обеспечение своей устойчивости путем формирования регионального равновесия сил[109].

В рамках данной парадигмы Иран и Турция предстают как рациональные субъекты, движимые собственными интересами в условиях отсутствия централизованной власти на международной арене. Их внешнеполитические действия анализируются через призму обеспечения национальной безопасности, амбиций по достижению регионального доминирования, преодоления дилеммы безопасности и формирования устойчивого баланса сил в регионе. Такой подход позволяет осмыслить прагматичный и зачастую бескомпромиссный характер их военно-политических решений в зонах напряженности, таких как Сирия, Ирак и Южный Кавказ. Как отмечает турецкий исследователь Н. Синкая, иранская идентичность выстроена на антиимпериализме и отрицании легитимности существующего регионального порядка, навязанного внерегиональными акторами[110].

Одновременно, концепция наступательного реализма Д. Миршаймера позволяет интерпретировать стремление Ирана к установлению своего доминирования в регионе

[107] Buzan, B. (2003). Regional security complex theory in the post-cold war world. In Theories of new regionalism: A Palgrave reader (pp. 140-159). London: Palgrave Macmillan UK.
[108] Nye, J. S. (1971). Peace in parts: Integration and conflict in regional organization. (No Title).
[109] Waltz, K. N. (1979). Theory of International Politics, 250 pp.
[110] Sinkaya, N. (2015). Devrim Muhafızları ve İran Dış Politikası: Bölgesel Güvenlik ve Asimetrik Güç. Ortadoğu Analiz, 7(68), 34–49.

как единственный надежный метод достижения собственной безопасности в условиях анархичной межгосударственной среды[111].

Конструктивистская теория приоритизирует влияние исторической памяти, национальной идентичности и коллективных представлений на построение регионального взаимодействия[112]. На примере Иранской и Турецкой республик эта идея приобретает особую значимость, поскольку исторические связи, конфликты, обиды и национальные повествования во многом формируют отношения между государствами.

2. Теоретико-идеологические основы внешнеполитических стратегий

Согласно Nolte, статус региональной державы подразумевает, что государство обладает достаточным потенциалом для значимого воздействия на политическую динамику в пределах своего географического ареала. Согласно ряду научных мнений, ключевыми составляющими такого статуса являются наличие материальных активов, решимость в проведении политического курса и легитимность в глазах соседних стран[113].

Исходя из этого, Иран и Турция обладают совокупностью характеристик, позволяющих классифицировать их как региональные державы. Обе страны стремятся к формированию политической повестки в сопредельных регионах, принимают активное участие в процессах урегулирования конфликтов и используют диверсифицированный инструментарий внешнеполитического влияния.

Внешнеполитические стратегии Ирана и Турции опираются на историческое наследие и идеологические доктрины, которые обосновывают их претензии на лидерство в регионе.

Внешнеполитическая доктрина Турции в XXI веке претерпела значительную трансформацию, обусловленную приходом к власти Партии справедливости и развития (ПСР). Изначальный внешнеполитический курс, сформулированный Ахметом Давутоглу в работе «Stratejik Derinlik» и базировавшийся на принципе «ноль проблем с соседями»[114], был радикально пересмотрен под влиянием событий «Арабской весны» 2011 года. Современная внешнеполитическая стратегия Анкары, которую исследователи часто характеризуют как неоосманизм, представляет собой синтез геополитического активизма, использования культурно-исторического наследия Османской империи и защиты мусульманских общин за рубежом[115]. Турция позиционирует себя не как транзитный пункт между Востоком и Западом, а как

[111] Mearsheimer, J. J. (2005). Hans Morgenthau and the Iraq war: realism versus neo-conservatism (Vol. 21). OpenDemocracy.
[112] Wendt, A. (1999). Social theory of international politics (Vol. 67). Cambridge university press.
[113] Nolte, D. (2010). How to compare regional powers: analytical concepts and research topics. Review of international studies, 36(4), 881-901.
[114] Davutoğlu, A. (2011). Stratejik derinlik: Türkiye'nin uluslararası konumu. İstanbul: Küre Yayınları.
[115] Hale, W. (2012). Turkish foreign policy since 1774. Routledge.

самостоятельный центр силы, бросающий вызов европоцентричной системе международных отношений, что отражено в лозунге Реджепа Тайипа Эрдогана «Мир больше пяти». В последние годы к этой парадигме добавилась концепция «Голубой родины», подчеркивающая геостратегические интересы Турции в Средиземном и Черном морях[116].

Внешнеполитическая доктрина Ирана, будучи глубоко идеологизированной, берет свое начало в Конституции 1979 года и учении аятоллы Рухоллы Хомейни. Центральным элементом иранской стратегии является идея "экспорта исламской революции" и поддержка угнетенных (мостазафин) на глобальном уровне[117]. Как отмечает Ушаков, она осуществлялась различными средствами: военными, насильственными (Ирак, Ливан, Афганистан), полувоенными, включая террор и подрывную деятельность (Саудовская Аравия, Кувейт, Бахрейн, ОАЭ), и мирными – путем пропаганды ислама (Турция, Пакистан, Оман, Дубай, страны ЮВА и Африки) и т.д.[118]. На современном этапе эта идеологическая основа трансформировалась в геополитическую концепцию "Оси сопротивления".

Эта "Ось" функционирует как транснациональная сеть, призванная противостоять американскому гегемонизму и израильскому влиянию в регионе[119]. Иран демонстрирует способность к умелому сочетанию шиитской солидарности с панисламистской риторикой, что позволяет ему формировать коалиции как с шиитскими группами ("Хезболла", иракские милиции, хуситы), так и с суннитскими движениями (ХАМАС).

В отличие от Турции, стратегическая глубина Ирана строится на формировании асимметричных альянсов и проактивном вынесении оборонительного периметра за пределы национальных границ[120].

3. Основы внешнеполитической стратегии Исламской Республики Иран

В постреволюционный период внешнеполитическая стратегия Ирана приобрела специфический характер, сочетающий прагматичный реализм с выраженной идеологической детерминированностью.

Внешнеполитическая стратегия Ирана во многом детерминирована совокупностью геополитических, исторических и экономических факторов, сохраняющих свою актуальность со времен дореволюционного периода. Вместе с тем,

[116] Гаджиев, А. Г., Ульченко, Н. Ю., Волкова, С. Л., Иванова, И. И., Болдырев, А. В., Свистунова, И. А., ... & Колесникова, М. А. (2023). Внешняя политика Турции в период правления Партии справедливости и развития (2002-2023 гг.). К 100-летию Республики.
[117] Мамедова, Н. М. (2007). Роль и место Ирана в регионе. Институт востоковедения РАН.
[118] Ушаков, В. А. (1999). Иран и мусульманский мир (1979-1998 гг.). Москва.
[119] Takeyh, R. (2009). Guardians of the Revolution: Iran and the World in the Age of the Ayatollahs. Oxford University Press.
[120] Сажин, В. И. (2024). Основные направления политики Ирана на Ближнем Востоке. Ближний и Постсоветский Восток, (4(8)), 109–117. https://doi.org/10.31249/j.2949-2408.2024.04.07

учитывая, что институционализация исламской формы правления была направлена на обеспечение социально-экономического благополучия населения, Исламская Республика стремится к реализации национальных интересов, исходя из текущей международной конъюнктуры и принципов международного права. В данном контексте соблюдение правовых норм выступает не только инструментом внешней политики, но и логическим продолжением фундаментальных ценностей государства[121].

Иранская внешнеполитическая стратегия характеризуется применением принципа "передовой обороны", который предполагает проактивное обеспечение безопасности посредством формирования альянсов и партнерств за пределами национальной территории. Данный подход объясняет активное вовлечение Тегерана в поддержку различных политических и военных акторов в Ливане, Сирии, Ираке и Йемене[122].

Кавказ: Многие эксперты утверждают, что на евразийском пространстве Кавказ имеет для Ирана наибольшее значение по сравнению со всеми остальными регионами. Это обусловлено двойственной природой связей: с одной стороны, в отличие от Центральной Азии, большинство мусульман Азербайджана исповедуют шиизм; с другой — Иран поддерживает глубокие исторические отношения с Арменией, которая в силу географических и исторических факторов сохраняет тесный контакт с Тегераном[123].

Вдобавок, внешняя политика Ирана в Закавказье имеет уникальную черту, отличающую ее от подходов России и Турции: Иран сохраняет дипломатические отношения со всеми тремя республиками региона. В то время как Турция прекратила дипломатические связи с Арменией в 1992 году из-за карабахского конфликта, а Россия – с Грузией после событий августа 2008 года, Иран поддерживает диалог со всеми. Это дает Ирану ценное преимущество для выработки сбалансированной и единой стратегии в отношении Закавказья, которую можно охарактеризовать как «закавказскую политику Ирана»[124].

ЦА: Следом за Южным Кавказом, после распада Советского Союза, Центральная Азия также превратилась в один из приоритетных векторов иранской внешней политики. Обретение суверенитета среднеазиатских стран создало для Тегерана новые

[121] Сченснович, В. Н. (2019). Иран: внешняя политика (аналитический обзор). Россия и мусульманский мир, (3), 65–84. https://doi.org/10.31249/rimm/2019.03.05.
[122] Аль Асад Али (2025). Сирия как арена конкуренции между региональными акторами. Конфликтология / nota bene, (2), 126-140. doi:10.7256/2454-0617.2025.2.74825
[123] Маилян Е. Отношения между Ираном и странами Закавказья: политический обзор //Армянский музей Москвы и культуры наций. 16.04.2018. Режим доступа:https:// www.armmuseum.ru/news-blog/2018/4/16/--1
[124] Офлаз Б. Геополитические стратегии региональных держав на Южном Кавказе // Известия Российского государственного педагогического университета им.А.И. Герцена. 2013. № 161. С. 146–150.

условия для расширения политического, экономического и культурного влияния в данном регионе[125].

Реальная политика Ирана в Центральной Азии, вопреки западным представлениям об экспорте исламской революции, носила преимущественно прагматический характер. Тегеран стремился позиционировать себя как державу, заинтересованную в поддержании существующего порядка, региональной стабильности и развитии экономических связей. Иран видит себя как естественное связующее звено между Центральной Азией, Персидским заливом и Индийским океаном. Однако его региональные возможности ограничены санкциями и конкуренцией со стороны Турции, Китая и России[126].

Наиболее тесные отношения сложились с Таджикистаном, где общее персидское языковое и культурное наследие используется как инструмент «мягкой силы», но при этом культурный фактор, как отмечает William, лишь дополняет, а не заменяет экономические и геополитические интересы[127].

Ключевым элементом стратегии Ирана в Центральной Азии является развитие транспортных и логистических коридоров. Географическое положение Ирана позволяет государствам региона получить доступ к портам Персидского залива и, как следствие, к мировым рынкам. В связи с этим, особое значение придается таким проектам, как международный транспортный коридор «Север – Юг», а также развитию транспортного сотрудничества с такими странами, как Туркменистан, Казахстан и Узбекистан. Вторым важным направлением является энергетическое взаимодействие. Иран рассматривает Центральную Азию как регион с значительными запасами углеводородов, что открывает возможности для кооперации в области энергетического транзита и развития соответствующей инфраструктуры. Одновременно, Тегеран стремится использовать Центральную Азию для снижения негативного воздействия международных санкций, наращивая торговые и инвестиционные связи[128].

Сирия: В ближневосточной стратегии Ирана Сирия занимает центральное место, будучи для Тегерана ключевым элементом в достижении регионального влияния и обеспечении национальной безопасности. Формирование ирано-сирийского альянса произошло еще в период ирано-иракской войны (1980-1988), когда Дамаск стал одним из немногих арабских государств, поддержавших Иран в противостоянии с Ираком. С тех пор их сотрудничество стало стратегическим и служит важным инструментом для продвижения региональных амбиций Ирана. Взаимодействие с Сирией также

[125] Nejad, G. B. (2022). The Economic Plans of the Great Powers in Central Asia: Implications for Iran. Jadavpur Journal of International Relations, 26(2), 159-185.
[126] Yermekbayev, A., Zhumatay, G., & Altynbek, A. (2023). Central Asia in The Foreign Policy of Iran and Turkey. Journal of Central Asian Studies, 90(2), 41-55.
[127] Уильям, Д. (2007). Культурная политика Ирана в республиках Центральной Азии и Южного Кавказа после 1991 года. Центральная Азия и Кавказ, (4 (52)), 126-140.
[128] Nejad, G. B. (2022). The Economic Plans of the Great Powers in Central Asia: Implications for Iran. Jadavpur Journal of International Relations, 26(2), 159-185.

выступает сдерживающим фактором для усиления влияния США, Израиля, Турции и монархий Персидского залива.

Многие эксперты отмечают, что контроль над сирийским пространством обеспечивает Тегерану сухопутный коридор через Ирак к Ливану, что способствует сохранению военно-политических связей с «Хезболлой» и укрепляет позиции Ирана в противостоянии с Израилем. Посредством структур Корпуса стражей исламской революции (КСИР), в первую очередь через спецподразделение "Кудс", Тегеран осуществлял координацию действий шиитских вооруженных группировок из Ливана, Ирака, Афганистана и Пакистана, которые оказывали поддержку сирийскому режиму[129].

Однако события 2024 года, связанные с ослаблением позиций Башара Асада и последующими трансформациями политической обстановки в Сирии в 2025-2026 годах стали причиной кризиса сирийского направления внешней политики Ирана.

В лице Асада Иран потерял не только давнего союзника и многомиллиардные инвестиции в этой стране, но и сухопутный мост, позволявший Тегерану через территорию Ирака и Сирии обеспечивать материальную поддержку «Хезболлы» и географическую связанность «Оси» и была воспринята многими экспертами как серьезный удар, поскольку Сирия выступала в качестве ключевого звена, соединяющего Иран с его союзниками в Ливане[130].

Ливан: Ливан занимает уникальное место во внешнеполитической доктрине ИРИ. После революции 1979 года Иран рассматривает Ливан как ключевую территорию для расширения своего влияния в восточной части Средиземноморья и для противодействия Израилю. Главным инструментом реализации этой долгосрочной стратегии стало движение "Хезболла", которое было создано при участии Корпуса стражей исламской революции (КСИР) в начале 1980-х годов. "Хезболла" не просто военный партнер Ирана, но и важный игрок на политической арене Ливана, тесно связанный с государственной системой страны. Благодаря этому, Тегеран получает возможность влиять на внутренние политические процессы в Ливане, не прибегая к прямому вмешательству. После начала боевых действий в секторе Газа в октябре 2023 года, значение Ливана в региональной стратегии Ирана значительно возросло. "Хезболла" открыла новый фронт против Израиля на границе с Ливаном, что стало частью более масштабной кампании по оказанию давления на Израиль и его союзников. Несмотря на значительные потери, которые понесла организация в ходе эскалации конфликта в 2024-2025 годах, Иран по-прежнему считает Ливан одним из ключевых элементов своей системы регионального сдерживания. Современные исследования указывают на то, что после ослабления ряда других союзников, именно

[129] Cohen, R. A., & Shamci, G. P. (2022). The “proxy wars” strategy in Iranian regional foreign policy. The Journal of the Middle East and Africa, 13(4), 385-405.
[130] https://apnews.com/article/iran-mideast-proxy-forces-syria-analysis-c853bf613a6d6af7f6aa99b2e60984f8

ливанское направление остается наиболее важным и действенным инструментом иранского влияния в регионе[131].

В последние годы наблюдается тенденция к ограничению иранского влияния в Ливане. Это связано с рядом факторов: экономическим кризисом в стране, усилением общественного недовольства деятельностью "Хезболлы" и негативными последствиями вооруженных столкновений с Израилем. Все это привело к росту критики иностранного вмешательства в ливанскую политику. В ответ на эти вызовы, в период с 2025 по 2026 год, Иран пересмотрел свою стратегию. Вместо того чтобы использовать Ливан исключительно как инструмент асимметричного давления, Тегеран приступил к ускоренной программе восстановления материально-технической базы "Хезболлы" и одновременно усилил собственный ракетный потенциал. Такая переориентация демонстрирует готовность Ирана к прямым ударам со своей территории в случае полного разгрома своего ливанского союзника[132].

Ирак:

События 2003 года, приведшие к свержению режима Саддама Хусейна, кардинально изменили внешнеполитический ландшафт для Ирана, сделав Ирак одним из его ключевых направлений. Устранение давнего и мощного регионального противника открыло перед Тегераном широкие возможности для распространения своего влияния. Иран активно стремился укрепить свои позиции в политической, экономической и военно-стратегической сферах Ирака. Главной целью было создание в соседней стране правительства, лояльного Тегерану, которое бы гарантировало безопасность иранских границ и исключало появление враждебных сил. В этом контексте особую роль сыграли иракские шиитские политические партии и вооруженные группировки, многие из которых имели тесные связи с Корпусом стражей исламской революции (КСИР). Через сотрудничество с такими организациями, как "Силы народной мобилизации" (Hashd al-Shaabi), Иран смог не только усилить свое влияние на внутренние процессы в Ираке, но и расширить так называемую "ось сопротивления" – сеть региональных сил, противостоящих американскому влиянию. Эта стратегия одновременно служила инструментом для воздействия на иракскую политику и средством оказания давления на США и их союзников[133].

В системе региональной безопасности Ирак выступает в качестве стратегического буфера и ключевого транзитного коридора, обеспечивающего связь Ирана с Сирией и Ливаном. В связи с этим сохранение политического влияния в Багдаде рассматривается руководством Ирана как один из приоритетных национальных интересов.

[131] Saab, B. Y. (2022). Rebuilding Arab defense: US security cooperation in the Middle East. Lynne Rienner Publishers.
[132] Cheng, X. Risk Politics and the US-Israeli War on Iran: Emotion Governance, Security Mosaic, and Risk Management. Siyasat Arabiya, 14, 83-92.
[133] Raouf, H. (2019). Iranian quest for regional hegemony: motivations, strategies and constrains. Review of Economics and Political Science. https://doi.org/10.1108/reps-02-2019-0017

4. Основы внешнеполитической стратегии Турецкой Республики

Внешнеполитическая доктрина современной Турции базируется на синергии реалистических и цивилизационных парадигм, нацеленных на консолидацию ее статуса регионального актора. Фундаментальное значение для формирования данной доктрины имеет концепция «стратегической глубины» Ахмета Давутоглу, постулирующая, что геополитическое положение, историко-культурное наследие Османской империи и межцивилизационные связи предоставляют Турции инструментарий для активного участия в региональной динамике. Исследовательское сообщество констатирует, что с момента прихода к власти Партии справедливости и развития (ПСР) турецкая внешняя политика демонстрирует повышенную степень автономии и проактивности, ориентируясь на экстенсивное расширение политического, экономического и военно-стратегического влияния в прилегающих геополитических пространствах[134].

Южный Кавказ: Внешнеполитическая стратегия Турции уделяет особое внимание Южному Кавказу, который воспринимается Анкарой как ключевой геополитический коридор, соединяющий Европу, Черноморский бассейн, Каспийский регион и Центральную Азию. Азербайджан является основным партнером Турции в этом регионе, и их взаимодействие базируется на принципе «одна нация – два государства». Благодаря поддержке Азербайджана в карабахском конфликте, Турция смогла значительно укрепить свои позиции и стать одним из ключевых игроков в сфере региональной безопасности. Современные исследования указывают на то, что активизация турецкой политики на Южном Кавказе продиктована стремлением Анкары к региональному лидерству и расширению своего влияния на данной территории[135].

Инициированный Турцией формат **«3+3»,** объединяющий Армению, Азербайджан, Грузию, Россию, Турцию и Иран, призван служить платформой для развития регионального сотрудничества в ключевых областях: транспорт, энергетика, торговля и инвестиции. Хотя формат уже продемонстрировал определенные дипломатические достижения, такие как проведение встреч на уровне министров иностранных дел и принятие совместных деклараций, его дальнейшая институционализация сталкивается с неопределенностью. Министерство иностранных дел Турецкой Республики обуславливает эту неопределенность как различиями в национальных интересах участников, так и сохраняющимися геополитическими противоречиями[136]

[134] Davutoğlu, A. (2001). Stratejik derinlik.
[135] Эбжноу Давид Эмильевич (2024). СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ЮЖНОГО КАВКАЗА ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РЕСПУБЛИКИ ТУРЦИЯ. Власть, 32 (6), 247-254.
[136] Republic of Türkiye Ministry of Foreign Affairs. (2024, October 18). Regarding the Third Meeting of the 3+3 South Caucasus Regional Cooperation Platform in İstanbul.

Агазаде отмечает то, что одной из главных задач, стоящих перед турецкой внешней политикой в настоящее время, является также и нормализация отношений с Арменией, поскольку установление дипломатических отношений с Ереваном позволит Анкаре бросить серьезный вызов региональной гегемонии России на ЮК. В этом сближении заинтересована и сама Армения, т.к. нынешние армянские власти стремятся уменьшить влияние Москвы на них[137].

Особую значимость приобретают международные транспортные коридоры, служащие мостом между Европой и Азией. К ним относятся:

1) нефтепровод Баку – Тбилиси – Джейхан,

2) Южный газовый коридор,

3) железнодорожная магистраль Баку – Тбилиси – Карс и

4) Транскаспийский международный транспортный маршрут.

Развитие транспортной сети укрепляет связи между государствами региона и усиливает их позиции на международной арене.

Перспективным направлением является также сотрудничество в энергетической сфере. Южный Кавказ продолжает играть важную роль в обеспечении энергетической безопасности Европы посредством поставок каспийских энергоресурсов. Помимо устоявшихся направлений экспорта углеводородов, активно прорабатываются инициативы по транспортировке возобновляемой энергии. В частности, проект прокладки подводного силового кабеля по дну Черного моря (Black Sea Submarine Cable), реализуемый при участии Азербайджана, Грузии, Румынии и Венгрии, имеет потенциал не только повысить энергетическую устойчивость Европы, но и способствовать укреплению экономических взаимоотношений в рамках Кавказского региона.

Центральная Азия также является исторически важным направлением турецкой внешней политики. Появление пяти новых независимых государств в Центральной Азии, четыре из которых – Казахстан, Киргизия, Туркменистан и Узбекистан – принадлежат к тюркоязычному миру, представляло собой значительный интерес для Турции. Эта общность по языку и культуре создавала предпосылки для формирования тесных связей. Превращение бывших союзных республик в самостоятельных субъектов международной политики давало Турции шанс укрепить свои позиции как региональной державы.

Первая встреча лидеров тюркоязычных государств в 1992 году стала символом этого сближения, объединив Казахстан, Турцию, Азербайджан, Кыргызстан, Туркменистан и Узбекистан на основе их языковой и культурной близости[138]. Запад

[137] Оглы, А. М. М. (2024). Азербайджано-иранские отношения в условиях соперничества международных и региональных акторов на Южном Кавказе. Постсоветские исследования, 7(3), 269-280.
[138] Fidan, H. (2010). Turkish foreign policy towards Central Asia. Journal of Balkan and Near Eastern Studies, 12, 109 - 121. https://doi.org/10.1080/19448950903507560

приветствовал этот турецко-центральноазиатский диалог, видя в нем способ отвлечь эти страны от России и одновременно уменьшить влияние Китая и Ирана в регионе[139].

Исследователи отмечают, что Турция рассматривает Центральную Азию не только как пространство для культурного диалога, но и как стратегический узел транспортно-энергетических коридоров, связывающих Европу и Азию. Реализуя данный вектор внешней политики, Анкара стремится укрепить свое геополитическое влияние в условиях конкуренции с Россией и Китаем. Ключевым направлением является стратегическое продвижение так называемого «Среднего коридора» (Middle Corridor) — мультимодального транспортного маршрута, который вписывается в евразийскую парадигму Турции как инструмент для воссоединения торговых путей между Китаем и Европой через Центральную Азию, Каспийское море, Азербайджан, Грузию и саму Турцию[140].

Исследования также подчеркивают рост культурно-образовательной политики и мягкой силы реализующихся через TIKA, TÜRKSOY, медиа (TRT Avaz), Институт Юнуса Эмре, стипендии Türkiye Bursları, поддержку тюркологии и т.д[141].

Ирак: Ирак является объектом пристального внимания в внешней политике Турецкой Республики ввиду его географической близости к турецким границам и наличия курдского фактора. Приоритетами Анкары в отношении Ирака являются обеспечение собственной национальной безопасности, сдерживание роста влияния вооруженных курдских группировок и поддержание стабильности в приграничных зонах. Турция активно применяет военные меры на севере Ирака, проводя операции против структур, связанных с Рабочей партией Курдистана (PKK), рассматривая их как экзистенциальную угрозу своей территориальной целостности. Параллельно с этим, Ирак представляет значительный экономический интерес для Турции, особенно в секторах энергетики и торговли. В рамках своей региональной политики, Турция выстраивает взаимодействие с Региональным правительством Курдистана, используя комплексный подход, сочетающий силовые и экономические инструменты влияния.

В короткие сроки МИД Турецкой Республики открыло дипломатические миссии в различных городах Ирака. Так, например, в апреле 2009 г. начало функционировать консульство в Басре, в январе 2010 г. – в Эрбиле[142].

Культурные связи между двумя странами также развивались. Так, например, функционировавшие в Ираке в течение более четырнадцати лет образовательные курсы «Фезалар», у истоков которых также стояли турецкие предприниматели, в

[139] Месамед, В. И. (2010). Иран в Центральной Азии: два десятилетия диалога. Институт Ближнего Востока.
[140] Дмитриева, М. О., Кудрявцев, К. С., & Трошенков, М. А. (2025). Геополитика по турецки: Центральная Азия во внешней политике Турции. Журнал «Евразийские исследования, 4(6), 76-95.
[141] Mamadjonov, A.B. (2025) “Turkish World” Strategy of Turkey’s Soft Power in Central Asia: Opportunities and Challenges. International Journal Of History And Political Sciences. https://doi.org/10.37547/ijhps/volume05issue05-12
[142] Нуриев, Б. Д. (2014). Неоосманизм и транснационализм на примере турецко-иракских отношений. Вестник башкирского университета, 19(3), 1030-1035.

нулевые годы были преобразованы в лицеи. Общее количество данных лицеев, получивших название «Ишик», что в переводе с турецкого языка означает «свет», достигло десяти. В 2008 г. при поддержке турецкого правительства в городе Эрбиль был основан турецко-иракский университет – первое высшее учебное заведение в Ираке, финансируемое Анкарой[143].

Таким образом внешнеполитический курс Турции в отношении Ирака базируется на интеграции векторов экономического, культурного сотрудничества и реализации стратегических инициатив по обеспечению региональной безопасности.

Сирия: Сирия является краеугольным камнем современной турецкой внешней политики на Ближнем Востоке, выступая одновременно как ключевой объект интересов и как основной источник угроз национальной безопасности.

До начала сирийского кризиса в 2011 году, отношения между Анкарой и Дамаском развивались в рамках концепции «нулевых проблем с соседями», что выражалось в отмене визовых ограничений, расширении торгово-экономических связей и углублении политического диалога. Однако начало гражданской войны в Сирии кардинально изменило турецкую стратегию, сместив ее в сторону жесткого прагматизма и восприятия соседних территорий как экзистенциальных угроз.

В академической литературе современная стратегия Турции в Сирии классифицируется как политика «модифицированной средней державы»[144], которая в ряде аспектов демонстрирует амбиции великой державы, осуществляя балансирование между США и Россией. Анкара заняла позицию поддержки сирийской оппозиции и выступала за смену режима Башара Асада. После падения асадовского режима в конце 2024 года, внешнеполитический курс Турции перешел в фазу «наступательного реализма». Анкара стремится стать главным архитектором послевоенного сирийского порядка, реструктурируя местную оппозицию (СНА) в регулярные силовые ведомства, координируя энергетическое восстановление и используя репатриацию.

Как отмечает A. Sever, Турция эволюционировала из регионального посредника в одного из ключевых акторов сирийского конфликта. Прием миллионов беженцев стал беспрецедентным миграционным вызовом в современной истории государства, оказав существенное воздействие на его внутреннюю и внешнюю политику[145].

Ливан: В рамках своей ближневосточной стратегии Турция Ливан занимает уникальное положение. Хотя он и не столь централен, как Сирия или Ирак, его символическое значение велико. Ливан стал ареной борьбы за влияние в суннитском

[143] Hasanoğlu A. Iraklı öğrenciler Türk okullarına girebilmek için yarıştı. URL:http://www.zaman.com.tr/dunya_irakli-ogrencilerturk-okullarina-girebilmek-icin-yaristi_844674.html
[144] Özdemir, H. (2026). From Bridge to Hinge: Rapprochement-Estrangement Pendulum of Turkish Foreign Policy. All Azimuth: A Journal of Foreign Policy and Peace, 15(1), 2-27.
[145] Sever, A. (2020). Regional Power Role and Intervention: The Turkish Case Over Syria in the 2000s. Contemporary Review of the Middle East, 7(2), 143-164.

мире, что демонстрирует амбиции Анкары по расширению своего присутствия в арабских странах и стремление уравновесить позиции Ирана и Саудовской Аравии.

После конфликта 2006 года между Израилем и «Хезболлой» Турция активно участвовала в миротворческой миссии ООН (UNIFIL), что повысило её международный авторитет и показало готовность способствовать региональной стабильности. Эксперты считают, что подход Турции к Ливану, сочетающий дипломатию, экономику и гуманитарную помощь, является ярким примером использования «мягкой силы» в период правления Партии справедливости и развития (ПСР)[146].

Конфессиональный фактор оказался определяющим для турецкой стратегии в Ливане. Анкара традиционно опиралась на суннитскую общину страны, прежде всего в Триполи и Акре, регионах с устойчивой османской исторической памятью. Согласно наблюдениям ближневосточных аналитиков, именно северный город Триполи, Акрский район и отдельные кварталы Бейрута, где традиционно сильны симпатии к Турции и османскому наследию, стали центрами массовой поддержки Эрдогана среди ливанских суннитов. Турецкая политика воспользовалась и образовавшимся вакуумом суннитского лидерства: после того как в 2021 г. Саудовская Аравия отозвала своего посла из Ливана, а бывший премьер-министр и видный суннитский деятель Саад Харири фактически прекратил политическую карьеру, образовавшийся лидерский вакуум в суннитской общине остаётся незаполненным, и Турция активно инвестирует в ливанские предприятия, пользуясь этой возможностью для завоевания симпатий суннитов[147].

События 7 октября 2023 года и последующее обострение израильско-ливанского конфликта привели к трансформации турецкой позиции. Анкара избегает прямой поддержки «Хезболлы», вместо этого акцентируя внимание на гуманитарной солидарности с ливанским государством и его населением. Аналитики отмечают, что турецкая политика в отношении Ливана теперь фокусируется на гуманитарных вопросах, региональной стабильности, осуждении израильских действий и критике западной поддержки Израиля. Важно подчеркнуть, что турецкая поддержка адресована ливанскому населению и государству, а не непосредственно организации «Хезболла»[148].

Анализ ливанского кейса свидетельствует о качественной трансформации турецкой внешней политики: на смену неоосманской парадигме, опиравшейся на инструменты «мягкой силы», пришла прагматичная многовекторная стратегия.

[146] Öniş, Ziya. “Ziya Öniş and Şuhnaz Yılmaz, Between Europeanization and Euro-Asianism: Foreign Policy Activism in Turkey during the AKP Era.” Turkish Studies, Vol 10, No. 1, 7-24, 2009.
[147] Fanack. (2023, June 23). Erdogan's relationship with Lebanon's Sunnis: A deeper look. https://fanack.com/politics/features-insights/erdogans-relationship-with-lebanons-sunnis-a-deeper-look~262625/
[148] Hubbard, J. (2024, October 2). Türkiye's Hezbollah dilemma. Informed Comment. https://www.juancole.com/2024/10/turkiyes-hezbollah-dilemma.html

Современная Анкара сочетает мобилизацию суннитского фактора и экономическую экспансию с дипломатическим посредничеством, стремясь сбалансировать противодействие деятельности «Хезболлы» с необходимостью интеграции в логистические цепочки ирано-ливанской «оси сопротивления».

5. Сравнительный анализ инструментов реализации внешней политики.

Несмотря на декларируемый статус региональных держав, Турция и Иран демонстрируют существенные расхождения в арсенале внешнеполитических инструментов. Исследование их региональной политики в таких зонах, как Южный Кавказ, Центральная Азия, Ирак, Ближний Восток, позволяет выделить как общие тенденции – использование историко-цивилизационного нарратива для легитимации региональных амбиций, задействование этноконфессиональных сетей и применение «мягкой силы», – так и принципиальные расхождения в логике и институциональном оформлении их внешнеполитического инструментария.

В основе обеих стратегий лежит стремление к позиционированию себя как самостоятельных центров силы и минимизации зависимости от внешних игроков. Активное участие в региональных конфликтах, использование исторического наследия для обоснования внешнеполитических действий и формирование благоприятной среды безопасности вокруг собственных границ являются общими векторами.

Однако, механизмы реализации этих целей у Анкары и Тегерана существенно различаются. Данная дивергенция обусловлена как спецификой политических режимов и идеологических парадигм, так и вариативностью ресурсного потенциала государств.

Различия в проецировании внешнеполитического влияния между Ираном и Турцией коренятся в фундаментально разных логиках. Иранская стратегия, основанная на концепции «передовой обороны», предполагает формирование сети союзников и партнерских вооруженных структур за пределами своих границ. Этот подход, по мнению экспертов, является следствием ограниченности традиционных военных возможностей Ирана и его потребности в асимметричных механизмах противодействия более сильным противникам. Данная стратегия также рассматривается как основа для формирования «оси сопротивления», объединяющей государственные и негосударственные акторы Ближнего Востока, связанные с Тегераном[149].

Турецкая модель, напротив, ориентирована на комплексное использование дипломатических, экономических и военно-политических инструментов. Геополитическое положение и историческое наследие Турции создают предпосылки для ее активного вовлечения в процессы на Балканах, Ближнем Востоке, Южном

[149] Ehteshami, A., & Hinnebusch, R. (1997). Syria and Iran: Middle Powers in a Penetrated Regional System. London: Routledge.

Кавказе и в Центральной Азии. В отличие от Ирана, Турция действует в рамках парадигмы «наступательного реализма», позиционируя себя как «модифицированная средняя держава». Ее стратегия заключается в использовании государственных институтов, механизмов регионального сотрудничества и собственного военно-политического потенциала, а не в опоре на сеть негосударственных союзников. В последние годы наблюдается трансформация турецкой политики в сторону более наступательных действий, включая применение военной силы в Сирии, Ливии и на Южном Кавказе. Исследователи интерпретируют это как переход от политики посредничества к политике стратегической автономии и ограниченного силового вмешательства[150].

На геоэкономической арене и в сфере транспортно-логистических коридоров наблюдается динамичное соперничество между Ираном и Турцией. Иран, стремясь преодолеть международную изоляцию и санкционный режим, делает ставку на коридор «Север-Юг». Этот маршрут открывает ему доступ к Персидскому заливу и Индийскому океану, а Центральная Азия и Южный Кавказ становятся для Тегерана стратегическими площадками для минимизации санкционного давления. Энергетическое сотрудничество с центральноазиатскими странами через газовые свопы и совместное развитие транзитной инфраструктуры помогает Ирану частично интегрироваться в региональные рынки, несмотря на западные ограничения[151].

В свою очередь, Турция активно реализует свой потенциал межконтинентального транзитного хаба, продвигая «Средний коридор» (Транскаспийский маршрут). Этот коридор призван связать Китай и Европу, проходя через Каспийское море и Закавказье, минуя Иран. На Южном Кавказе Анкара уже укрепила свои позиции как основной оператор поставок каспийских энергоресурсов в Европу, опираясь на существующую трубопроводную инфраструктуру (Баку – Тбилиси – Джейхан, Южный газовый коридор) и железнодорожную магистраль (Баку – Тбилиси – Карс). В контексте глобального энергоперехода Турция также диверсифицирует свои инвестиции, участвуя в перспективных проектах «зеленой» энергетики, включая прокладку подводного кабеля по дну Черного моря[152].

Турция осуществила существенную трансформацию внешнеполитической стратегии на Южном Кавказе, перейдя от роли регионального наблюдателя к статусу активного субъекта международных отношений.

Расширение сферы влияния Анкары реализуется посредством углубления экономического партнерства, реализации масштабных инфраструктурных проектов и

[150] Koçak, M., & Akgül, M. (2022). Quest for regional power status: Explaining Turkey's assertive foreign policy. International Journal: Canada's Journal of Global Policy Analysis, 77(2), 292-312.
[151] Алимов, Р. М., Арифханов, Ш. Р., Ризаев, С. Р., & Толипов, Ф. Ф. (2002). Центральная Азия: геоэкономика, геополитика, безопасность. Т-2002, «Sharq».
[152] Balci, A. (2013). Turkiye Dis Politikasi: Ilkeler, Aktorler, Uygulamalar. Turkiye Dis Politikasi: Ilkeler, Aktorler, Uygulamalar. https://doi.org/10.33458/UIDERGISI.553380

интенсификации военно-политического взаимодействия с Азербайджаном. Институционализация данного союза стала крепче подписанием Шушинской декларации в 2021 году. Параллельно с этим Турция выступает драйвером региональной интеграции, акцентируя внимание на развитии логистической инфраструктуры — в частности, проекта Зангезурского коридора, призванного обеспечить транспортно-логистическую связность тюркского ареала с европейским пространством.

Азербайджанские исследователи обуславливают турецко-азербайджанское сотрудничество не только общностью этнических и культурных корней, но и гармоничным совпадением геоэкономических приоритетов, особенно в секторах энергетики и транспорта. Азербайджан выступает ключевым звеном, предоставляя Турции доступ к энергетическим запасам Каспийского моря и странам Центральной Азии, одновременно усиливая свою позицию как важного евразийского логистического центра[153]

В исследованиях иранских экспертов отмечается, что современная политика Ирана на Южном Кавказе направлена на предотвращение геополитической изоляции страны и сохранение баланса между Арменией и Азербайджаном[154]. Иран, имеющий протяженные границы с Арменией и Азербайджаном, с осторожностью наблюдает за ростом турецкого влияния в Азербайджане. Тегеран заинтересован в поддержании регионального баланса сил, категорически выступая против любых изменений международно-признанных границ в регионе, опасаясь потенциального сепаратизма проживающих на его территории азербайджанцев, а также утраты сухопутного сообщения с Арменией, которое рассматривается им как стратегический выход к Черному морю и Европе. ИРИ поддерживает дипломатический диалог с Ереваном (в том числе в энергетической сфере — иранско-армянский газопровод, открытый в 2007 г.), и выдвигает инициативы многостороннего сотрудничества в формате «3+3».

Что касается, Грузии, Иран стремится использовать ее как транзитную территорию для доставки своих товаров через Черное море в Европу. В то же время иранское руководство пытается позиционировать себя как надежного политического стратега, предлагая себя в качестве посредника в разрешении российско-грузинских отношений[155].

Анализ применения жесткой силы Ираном и Турцией выявляет фундаментальные различия в их стратегиях. Иранская модель базируется на деятельности Корпуса стражей исламской революции (КСИР), в частности его подразделения «Кудс», которое служит ключевым инструментом для взаимодействия с прокси-силами в

[153] Ismayilov, M., & Graham, N. A. (2016). Turkish-Azerbaijani Relations. Taylor & Francis.
[154] Golmohammadi, V., & Azizi, H. (2026). A Status Quo Power in a Changing Region: Iran's Regionalism in the South Caucasus. Nationalities Papers, 54(3), 593-606.
[155] Наджафов, Г. Н. О. (2008). Иран и государства Южного Кавказа. Центральная Азия и Кавказ, (1 (55)), 41-50.

Ливане, Ираке, Сирии и Йемене[156]. Эта стратегия, известная как «непрямое балансирование», позволяет Ирану проецировать влияние, избегая при этом прямого военного противостояния с более сильными державами.

Турция, напротив, демонстрирует стремление к прямому силовому присутствию, активно используя собственные вооруженные силы. Военные операции в северной Сирии и Ираке, поддержка Азербайджана в Карабахе и расширение военно-технического сотрудничества являются примерами такого подхода. Для Анкары, как отмечают исследователи, применение жесткой силы стало важным инструментом для повышения международного статуса и укрепления регионального лидерства[157]. В отличие от Ирана, Турция предпочитает полагаться на регулярные вооруженные силы, беспилотные технологии и военно-техническое сотрудничество, а не на сеть идеологически мотивированных вооруженных группировок.

Реализация потенциала «мягкой силы» обеих стран отражает двойственную природу, сочетающую прагматический подход и влияние цивилизационного наследия.

Иранская «мягкая сила» проявляется в виде точечных и дифференцированных воздействий. С одной стороны, Тегеран использует конфессиональный шиитский фактор в регионах с крупными шиитскими общинами, таких как Ирак, Ливан и Азербайджан, хотя в Южном Кавказе этот инструмент ограничивается секулярным характером азербайджанского государства[158]. С другой стороны, в Центральной Азии, особенно в Таджикистане, исламская риторика отходит на второй план, уступая место этнокультурным и языковым связям, основанным на общем персидском наследии (Iranic world). Однако, как подчеркивает исследователь Wastnidge, культурно-историческая близость в иранской стратегии служит лишь дополнением и не заменяет жесткие экономические и геополитические интересы[159]. Вместо специализированных исламских или культурных организаций, ключевым институциональным форматом иранского многостороннего взаимодействия в регионе выступает ШОС.

В свою очередь, Турция сформировала более институционализированную и глобально ориентированную систему «мягкой силы», базирующуюся на идеях пантюркизма и неоосманизма. В Центральной Азии Анкара опирается на общность тюркских языков и культур, создавая разветвленную сеть наднациональных организаций:

- ОТГ – политическая и экономическая интеграция.

[156] Основные направления политики ИРИ в арабских странах Ближнего Востока (1990-е — начало 2020-х гг.). (2021). Book.
[157] Koçak, M., & Akgül, M. (2022). Quest for regional power status: Explaining Turkey's assertive foreign policy. International Journal: Canada's Journal of Global Policy Analysis, 77(2), 292-312.
[158] Мамедова, Н. М. (2023). Внешняя политика Исламской Республики Иран: между идеологией и прагматизмом. Москва: Институт востоковедения РАН.
[159] Wastnidge, E. (2014). PRAGMATIC POLITICS: IRAN, CENTRAL ASIA AND CULTURAL FOREIGN POLICY. Central Asia & the Caucasus (14046091), 15(4).

- Агентство по сотрудничеству и координации (TİKA) – гуманитарная и техническая помощь.
- Международная организация тюркской культуры (TÜRKSOY) – сохранение и продвижение культурного тюркского наследия.
- Медийные ресурсы (телеканал TRT Avaz) и образовательные программы (Türkiye Bursları, Институты Юнуса Эмре) – культурный и образовательный обмен[160].

В ближневосточном регионе, в частности на территории Ливана, Турецкая Республика реализует стратегию эффективного использования инструментов «мягкой силы», опираясь на суннитский фактор как на значимый геополитический ресурс. Анкара осуществляет планомерное наращивание объема инвестиций в северные провинции Ливана — Триполи и Акар, которые характеризуются устойчивой историко-культурной преемственностью в контексте османского наследия.

Показательным кейсом, демонстрирующим фундаментальные различия между иранской и турецкой моделями регионального влияния, является Сирия. Иранская парадигма, основанная на концепции «передовой обороны», позиционирует Сирию как экзистенциально важный элемент для проецирования силы, сдерживания региональных оппонентов и обеспечения оперативной связи с негосударственными акторами, такими как «Хезболла», посредством сети аффилированных вооруженных формирований, курируемых КСИР[161].

В противоположность этому, турецкая стратегия в Сирии детерминирована императивами национальной безопасности, с акцентом на купирование угрозы, исходящей от курдских вооруженных формирований, ассоциированных с РПК. Анкара применяет многовекторный подход, включающий военные интервенции, территориальный контроль, поддержку оппозиционных сил и управление демографическими потоками, с целью институционализации своего влияния в постконфликтном сирийском государстве.

Дивергенция в стратегических подходах Ирана и Турции к сирийскому конфликту заключалась в выборе различных моделей интервенции: Иран придерживался стратегии поддержки существующего режима посредством экстенсивного военного патронажа, тогда как Турция реализовывала стратегию наращивания потенциала оппозиционных акторов через инвестиции в их институциональное строительство. Коллапс режима Асада в декабре 2024 года верифицировал относительную эффективность турецкой стратегии: иранская прокси-архитектура претерпела дезинтеграцию синхронно с режимом, в то время как Турция позиционировалась как ключевой актор в формировании пост-асадовского регионального порядка. Данное событие влечет за собой фундаментальную

[160] Davutoğlu, A. (2011). Stratejik derinlik: Türkiye'nin uluslararası konumu. İstanbul: Küre Yayınları.
[161] Ahmadian, H., & Mohseni, P. (2019). Iran's Syria Strategy: The Evolutionof Deterrence. International Affairs, 95(2), 341–364. URL: https://academic.oup.com/ia/article/95/2/341/5368427

реконфигурацию регионального баланса сил, требуя от Ирана пересмотра логистических цепочек для «Хезболлы» и поиска альтернативных транзитных коридоров взамен утраченных сирийских.

В Ираке наблюдается резкий контраст в стратегиях Ирана и Турции, демонстрирующий их фундаментальные различия. Иранская политика, основанная на доктрине «передовой обороны», направлена на создание и поддержание обширной сети шиитских вооруженных групп и политических партий. Этот подход позволяет Тегерану осуществлять «опосредованный контроль» над иракскими государственными институтами, что является ключевым элементом его концепции «шиитского полумесяца» – цепи влияния, простирающейся от Ирана через Ирак и Сирию до Ливана.

Иранский «инструментарий» в Ираке многоуровнев: на «силовом уровне» это координация ополчений PMF и фракций наподобие «Катаиб Хезболла» и ААН через подразделение «Кудс» КСИР; на «политическом» – поддержка проиранских партийных коалиций и блокирование формирования правительств с нежелательным для Тегерана составом; на «экономическом» – масштабный экспорт электроэнергии и природного газа, обеспечивающий «энергетическую зависимость» Багдада от Тегерана[162].

Турецкий «инструментарий» в Ираке, напротив, носит принципиально иной, более «прагматичный» и «государственно-центричный» характер. Анкара действует через два параллельных «трека»: «военный» – систематические операции против формирований РПК на севере Ирака в рамках операций «Коготь», включающие наземные рейды, удары БПЛА и содержание военных баз – и «экономический» – торговля и инвестиции в Иракском Курдистане, «дипломатическое присутствие» через генеральные консульства в Эрбиле и Басре, «образовательные проекты» (лицеи «Işık», Турецко-иракский университет в Эрбиле). Таким образом, если иранский подход к Ираку представляет собой «государство в государстве» через «прокси-сети», то турецкий – это классический набор инструментов «средней державы», балансирующей между «силовым сдерживанием» и «экономическим вовлечением».

В отличие от иранской модели, где акцент делается на создании лояльных структур внутри иракского государства, турецкая стратегия направлена на укрепление своих позиций через прямые двусторонние отношения и экономические связи, особенно с регионом Курдистана, который обладает определенной автономией. Это позволяет Анкаре иметь более предсказуемые и контролируемые рычаги влияния, не прибегая к столь сложным и зачастую непрозрачным механизмам, как иранские прокси-сети.

[162] Abonyi, M. (2022, August 29). Iran's proxy strategy and the extent of surrogate autonomy. Alexander Hamilton Society. https://alexanderhamiltonsociety.org/security-strategy/issue-two/irans-proxy-strategy-and-the-extent-of-surrogate-autonomy/

6. Заключение

Сравнительный анализ демонстрирует, что Исламская Республика Иран и Турецкая Республика, являясь наиболее влиятельными региональными акторами, несмотря на дивергенцию идеологических парадигм, инструментария внешнеполитического воздействия и моделей регионального доминирования, преследуют общую цель – консолидацию и экспансию собственного влияния в соответствующих регионах. При этом, несмотря на конвергенцию геополитических устремлений, их внешнеполитические доктрины существенно дивергируют.

Турция последовательно имплементирует комплексный подход, интегрируя военно-политические, экономические и гуманитарные механизмы, стремясь к укреплению своих позиций посредством адаптивной внешней политики и развития обширной сети региональных консорциумов.

Иран, в свою очередь, акцентирует внимание на концепции стратегической глубины, базируясь на военно-политических альянсах, идеологических аффилиациях и системе союзнических негосударственных субъектов. Конкуренция между данными государствами носит многоаспектный характер и охватывает геопространство Ближнего Востока, Южного Кавказа и Центральной Азии.

Вместе с тем, согласно тезису И. А. Свистуновой (2019), турецко-иранское взаимодействие характеризуется устойчивым балансом конкурентных и прагматических аспектов, что способствует предотвращению прямой конфронтации даже в условиях столкновения национальных интересов в рамках ключевых региональных кризисов[163]. Данный вывод коррелирует с результатами исследования И. И. Ивановой (2020), в котором указывается, что глубокая экономическая взаимозависимость и обоюдная заинтересованность в обеспечении региональной стабильности функционируют в качестве детерминант, сдерживающих трансформацию соперничества в фазу эскалации[164].

Осознание Турцией и Ираном своей историко-цивилизационной общности, а также нарастание тенденций прагматизма и рационализма в региональной политике обеих стран в последние годы привели к снижению конфликтного потенциала в их взаимоотношениях и, более того, к определенному сближению между ними. Юлдашева также отмечает, что в случае урегулирования ирано-американских и западно-российских отношений Иран и Турция могут стать взаимодополняющими факторами развития региона. Более того, эти страны будут способны ускорить процесс

[163] Свистунова, И. А. (2019). Турецко-иранские отношения на Ближнем Востоке: в поисках регионального баланса. Вестник МГИМО Университета, (4 (67)), 130-144.
[164] Иванова, И. И. (2020). Динамика развития отношений между Турцией и Ираном в XXI в. Восточная аналитика, (4), 182-206.

модернизации и интеграции всего региона посредством объединения всего Кавказа и ЦА в единую энерго-транспортную систему с выходом в Европу[165].

Результаты исследования подчеркивают, что внешние акторы являются определяющим фактором в формировании перспектив регионального сотрудничества. Турция и Иран продолжают оказывать существенное воздействие на политические и экономические процессы в регионе. Конкуренция их интересов порождает как вызовы для региональной консолидации, так и возможности для привлечения инвестиций, развития инфраструктуры и расширения международного сотрудничества.

Таким образом, перспективы турецко-иранского соперничества детерминированы не столько стремлением субъектов к установлению безусловной региональной гегемонии, сколько способностью Анкары и Тегерана адаптировать национальные стратегии к трансформации глобальной архитектуры международных отношений. В контексте интенсификации влияния внешних акторов, реконфигурации баланса сил и формирования новых геоэкономических векторов, обе державы будут преследовать дуалистическую цель: расширение сфер стратегического влияния при одновременном поддержании механизмов политического диалога. Следовательно, в дальнейшей перспективе двусторонние отношения будут характеризоваться выраженной амбивалентностью, сочетая в себе элементы стратегического соперничества и прагматического сотрудничества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Аватков, В. А. (2021). Внешнеполитический курс Турецкой Республики в рамках современной системы международных отношений.
2. Аль Асад, А. (2025). Сирия как арена конкуренции между региональными акторами. Конфликтология / Nota Bene, (2), 126–140. https://www.google.com/search?q=https://doi.org/10.7256/2454-0617.2025.2.74825
3. Алимов, Р. М., Арифханов, Ш. Р., Ризаев, С. Р., & Толипов, Ф. Ф. (2002). Центральная Азия: геоэкономика, геополитика, безопасность. Ташкент: Sharq.
4. Гаджиев, А. Г., Ульченко, Н. Ю., Волкова, С. Л., Иванова, И. И., Болдырев, А. В., Свистунова, И. А., ... Колесникова, М. А. (2023). Внешняя политика Турции в период правления Партии справедливости и развития (2002–2023 гг.). К 100-летию Республики. Москва: Институт востоковедения РАН.
5. Дмитриева, М. О., Кудрявцев, К. С., & Трошенков, М. А. (2025). Геополитика по-турецки: Центральная Азия во внешней политике Турции. Евразийские исследования, 4(6), 76–95.
6. Иванова, И. И. (2020). Динамика развития отношений между Турцией и Ираном в XXI в. Восточная аналитика, (4), 182–206.

[165] Юлдашева, Г. (2014). Центральная Азия в современных турецко-иранских отношениях. Центральная Азия и Кавказ, 17(4), 43-52.

7. Маилян, Е. (2018, 16 апреля). Отношения между Ираном и странами Закавказья: политический обзор. Армянский музей Москвы и культуры наций. https://www.armmuseum.ru/news-blog/2018/4/16/--1

8. Мамедова, Н. М. (2007). Роль и место Ирана в регионе. Москва: Институт востоковедения РАН.

9. Мамедова, Н. М. (2023). Внешняя политика Исламской Республики Иран: между идеологией и прагматизмом. Москва: Институт востоковедения РАН.

10. Месамед, В. И. (2010). Иран в Центральной Азии: два десятилетия диалога. Москва: Институт Ближнего Востока.

11. Наджафов, Г. Н. (2008). Иран и государства Южного Кавказа. Центральная Азия и Кавказ, 1(55), 41–50.

12. Нуриев, Б. Д. (2014). Неоосманизм и транснационализм на примере турецко-иракских отношений. Вестник Башкирского университета, 19(3), 1030–1035.

13. Оглы, А. М. М. (2024). Азербайджано-иранские отношения в условиях соперничества международных и региональных акторов на Южном Кавказе. Постсоветские исследования, 7(3), 269–280.

14. Основные направления политики ИРИ в арабских странах Ближнего Востока (1990-е — начало 2020-х гг.). (2021). Москва: Институт востоковедения РАН.

15. Офлаз, Б. (2013). Геополитические стратегии региональных держав на Южном Кавказе. Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, (161), 146–150.

16. Сажин, В. И. (2024). Основные направления политики Ирана на Ближнем Востоке. Ближний и Постсоветский Восток, 4(8), 109–117. https://doi.org/10.31249/j.2949-2408.2024.04.07

17. Свистунова, И. А. (2019). Турецко-иранские отношения на Ближнем Востоке: в поисках регионального баланса. Вестник МГИМО-Университета, 12(4), 130–144.

18. Сченснович, В. Н. (2019). Иран: внешняя политика (аналитический обзор). Россия и мусульманский мир, (3), 65–84. https://doi.org/10.31249/rimm/2019.03.05

19. Уильям, Д. (2007). Культурная политика Ирана в республиках Центральной Азии и Южного Кавказа после 1991 года. Центральная Азия и Кавказ, 4(52), 126–140.

20. Ушаков, В. А. (1999). Иран и мусульманский мир (1979–1998 гг.). Москва: Институт востоковедения РАН.

21. Эбжноу, Давид Эмильевич. (2024). Стратегическая значимость Южного Кавказа во внешней политике Республики Турция. Власть, 32(6), 247–254.

22. Эльдар, Г. (2011). Центральная Азия: геополитика, безопасность, сценарии развития. *Центральная Азия и Кавказ*, *14*(1), 26-41.

23. Юлдашева, Г. (2014). Центральная Азия в современных турецко-иранских отношениях. Центральная Азия и Кавказ, 17(4), 43–52.

24. Abonyi, M. (2022, August 29). Iran’s proxy strategy and the extent of surrogate autonomy. Alexander Hamilton Society. https://alexanderhamiltonsociety.org/security-strategy/issue-two/irans-proxy-strategy-and-the-extent-of-surrogate-autonomy/

25. Ahmadian, H., & Mohseni, P. (2019). Iran's Syria strategy: The evolution of deterrence. International Affairs, 95(2), 341–364. https://academic.oup.com/ia/article/95/2/341/5368427

26. Associated Press. (2024, April 3). Analysis: Iran's regional proxy network faces unprecedented strain. AP News. https://apnews.com/article/iran-mideast-proxy-forces-syria-analysis-c853bf613a6d6af7f6aa99b2e60984f8

27. Balcı, A. (2013). Türkiye dış politikası: İlkeler, aktörler, uygulamalar. Uluslararası İlişkiler Dergisi, 10(39), 115–128. https://doi.org/10.33458/UIDERGISI.553380

28. Buzan, B. (2003). Regional security complex theory in the post-cold war world. In Theories of new regionalism: A Palgrave reader (pp. 140-159). London: Palgrave Macmillan UK.

29. Cheng, X. (2022). Risk politics and the US-Israeli war on Iran: Emotion governance, security mosaic, and risk management. Siyasat Arabiya, 14, 83–92.

30. Cohen, R. A., & Shamci, G. P. (2022). The "proxy wars" strategy in Iranian regional foreign policy. The Journal of the Middle East and Africa, 13(4), 385–405.

31. Davutoğlu, A. (2001). Stratejik derinlik.

32. Davutoğlu, A. (2011). Stratejik derinlik: Türkiye'nin uluslararası konumu. İstanbul: Küre Yayınları.

33. Ehteshami, A., & Hinnebusch, R. (1997). Syria and Iran: Middle powers in a penetrated regional system. London: Routledge.

34. Fanack. (2023, June 23). Erdogan's relationship with Lebanon's Sunnis: A deeper look. Fanack Chronicle. https://fanack.com/politics/features-insights/erdogans-relationship-with-lebanons-sunnis-a-deeper-look~262625/

35. Fidan, H. (2010). Turkish foreign policy towards Central Asia. Journal of Balkan and Near Eastern Studies, 12(1), 109–121. https://doi.org/10.1080/19448950903507560

36. Golmohammadi, V., & Azizi, H. (2026). A status quo power in a changing region: Iran's regionalism in the South Caucasus. Nationalities Papers, 54(3), 593–606.

37. Hale, W. (2012). Turkish foreign policy since 1774 (3rd ed.). London: Routledge.

38. Hasanoğlu, A. (2009, Haziran 12). Iraklı öğrenciler Türk okullarına girebilmek için yarıştı. Zaman. http://www.zaman.com.tr/dunya_irakli-ogrencilerturk-okullarina-girebilmek-icin-yaristi_844674.html

39. Hubbard, J. (2024, October 2). Türkiye's Hezbollah dilemma. Informed Comment. https://www.juancole.com/2024/10/turkiyes-hezbollah-dilemma.html

40. Ismayilov, M., & Graham, N. A. (Eds.). (2016). Turkish-Azerbaijani relations: One nation, two states? London: Taylor & Francis.

41. Koçak, M., & Akgül, M. (2022). Quest for regional power status: Explaining Turkey's assertive foreign policy. International Journal: Canada's Journal of Global Policy Analysis, 77(2), 292–312.

42. Mamadjonov, A. B. (2025). "Turkish World" strategy of Turkey's soft power in Central Asia: Opportunities and challenges. International Journal of History and Political Sciences, 5(5), 60–72.
https://doi.org/10.37547/ijhps/volume05issue05-12

43. Mearsheimer, J. J. (2005). Hans Morgenthau and the Iraq war: Realism versus neo-conservatism. OpenDemocracy, 21, 1–5.

44. Nejad, G. B. (2022). The economic plans of the great powers in Central Asia: Implications for Iran. Jadavpur Journal of International Relations, 26(2), 159–185.

45. Nolte, D. (2010). How to compare regional powers: Analytical concepts and research topics. Review of International Studies, 36(4), 881–901.

46. Nye, J. S. (1971). Peace in parts: Integration and conflict in regional organization. (No Title).
47. Öniş, Z., & Yılmaz, Ş. (2009). Between Europeanization and Euro-Asianism: Foreign policy activism in Turkey during the AKP era. Turkish Studies, 10(1), 7–24.
48. Özdemir, H. (2026). From bridge to hinge: Rapprochement-estrangement pendulum of Turkish foreign policy. All Azimuth: A Journal of Foreign Policy and Peace, 15(1), 2–27.
49. Republic of Türkiye Ministry of Foreign Affairs. (2024, October 18). Regarding the Third Meeting of the 3+3 South Caucasus Regional Cooperation Platform in İstanbul [Press Release]. MFA.
50. Raouf, H. (2019). Iranian quest for regional hegemony: Motivations, strategies and constraints. Review of Economics and Political Science, 4(3), 232–248. https://doi.org/10.1108/reps-02-2019-0017
51. Saab, B. Y. (2022). Rebuilding Arab defense: US security cooperation in the Middle East. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers.
52. Sever, A. (2020). Regional power role and intervention: The Turkish case over Syria in the 2000s. Contemporary Review of the Middle East, 7(2), 143–164.
53. Sinkaya, N. (2015). Devrim Muhafızları ve İran Dış Politikası: Bölgesel Güvenlik ve Asimetrik Güç. Ortadoğu Analiz, 7(68), 34–49.
54. Takeyh, R. (2009). Guardians of the Revolution: Iran and the world in the age of the Ayatollahs. Oxford: Oxford University Press.
55. Wastnidge, E. (2014). Pragmatic politics: Iran, Central Asia and cultural foreign policy. Central Asia and the Caucasus, 15(4), 119–131.
56. Yermekbayev, A., Zhumatay, G., & Altynbek, A. (2023). Central Asia in the foreign policy of Iran and Turkey. Journal of Central Asian Studies, 90(2), 41–55
57. https://apnews.com/article/iran-mideast-proxy-forces-syria-analysis-c853bf613a6d6af7f6aa99b2e60984f8